

— Вставай!

Короткий окрик разбудил меня. Впервые я так спокойно спал. Когда открыл глаза, то увидел, как старик упаковывает свои вещи. Костер погас, и теперь там лишь тлели угольки, а через край полога виднелась заря. Я протер лицо. Повернулся к старику и сказал:

— Солнце еще не встало, пока рано уходить.

Тот не ответил, погруженный в свою работу. Я засомневался, открыл рот, но тут же закрыл. Вместо этого почувствовал голод. Достал из сумки еду и торопливо перекусил. Затем вынул пачки с печеньем и отдал старику. Он взглянул и опять вернулся к пакованию. В темной палатке стояла звенящая тишина.

"Спасатели" засели в университете. Так сказал старик. Он видел следы, оставленные группой людей в день исчезновения его внучки. Он прибыл туда через два дня и пытался вернуть ее, но его отогнала охрана с оружием. Поэтому он пришел сюда и жил в этой группе особняком.

Также он рассказал, что эти люди на крыше живут здесь с того самого времени, как пришли в магазин. Они пытались выбраться из Сеула, когда все только началось. Сначала они плотно блокировали дверь в зону отдыха, и там было много выживших.

Я спросил с интересом:

— А зачем тогда живете на крыше?

Старик медленно закрыл глаза и отвернулся. Я больше не спрашивал.

Вчера мы с ним заключили сделку. Он покажет мне, где они, а я его туда отведу. Очень выгодно. Возможно виной всему было некое сострадание друг к другу. Мы оба защищали то, что нам дорого.

Я так задумался, что не сразу услышал, как меня окликнули.

— Идем.

Голос его все еще был холоден, но не так, как раньше. Я взял пистолет и поднялся с места. Холодный утренний воздух хлестнул в лицо, очищая мысли. В тот момент, когда мы шли по крыше, я увидел метнувшуюся тень и поднял пистолет. Но старик указал мне опустить его.

Посмотрел и увидел женщину, медленно выскользнувшую из палатки. Она смотрела на нас с несчастным видом. Только встретившись со мной взглядом, она нырнула в палатку к мужчине, который вчера разговаривал со стариком. Я услышал крик.

— Они идут!

Услышав голос, я понял, почему старик так рано меня разбудил. Почувствовав дискомфорт, аккуратно снял пистолет с предохранителя. Посмотрел на старика, а тот ухмылялся.

Может нам нужно быстрее спуститься вниз по лестнице? Только хотел это сказать, как услышал позади шаги. Люди выбегали в спешке, полусонные и растрепанные. Вчерашний мужик нес кусок трубы, и у остальных было самодельное оружие. Женщины прятались за ними, глядя на мою сумку. Я медленно поднял пистолет. Мужик улыбнулся и сказал:

— Ну, стреляй, если кишка не тонка.

Они были уверены, что я не выстрелю.

— Куда собрались, старый? — спросил еще один.

Старик лишь ухмылялся, держа дробовик.

— Ну, стреляй, чё ты? Давай!

Мужики подначивали меня, провоцируя. А тот, с трубой, сказал:

— Отдайте сумку и валите, куда хотите.

Отдать сумку? А потом что? Одежду? Оружие? Или сразу жизнь? Я стоял с каменным лицом, медленно закипая в душе. Поднял пистолет выше, слегка надавив на спусковой крючок.

Женщины спрятались, а мужик с трубой вдруг застремался:

— Эй, братан! Если будешь стрелять, мы все сдохнем!

Я не ответил, колеблясь. Солдат, которого я убил, тоже колебался перед смертью. Старик рядом так и стоял и просто смотрел на них острым взглядом. Они не подходили, а я не понимал, стрелять или нет. Мы медленно пошли к лестнице. Расстояние до нее примерно сорок метров. Мы шли, и я время от времени клал палец на крючок, чтобы они не подходили.

Когда до лестницы оставалось метров двадцать, мужик с трубой закричал, словно в припадке:

— Вам впадлу поделиться!? Неужели так сложно!? Эгоистичные ублюдки!

Человек в экстремальной ситуации превращался в монстра. Это был крик человека, изо всех сил пытающегося выжить. Мне стало дурно от самого себя, а рядом старик спросил:

— А ты в тот день почему их там оставил?

В его голосе слышалась боль. Пока я переваривал значение его слов, мужик с трубой заорал:

— Убейте их! Убейте!

Он ударил по полу трубой и толкнул ближайшего человека. Группа зашевелилась и побежала к нам. Голод и жажда стерли в них страх. Кругозор сузился, и я вижу только мужчину с трубой.

Во мне разрасталось неприятное чувство. И противный голосок в голове зашептал:

"Солдат не выстрелил, а ты?"

"Почему не стреляешь? Почему? Почему? Ты ведь хочешь жить?"

"А солдат разве не хотел жить?"

Нахлынувшие чувства не дают выстрелить. Вина и отвращение к себе перекрывают дыхание. Мне казалось, что я упал в глубокое море. Даже если попытаюсь двигаться вперед, не смогу выжить в потоке.

Я нахожусь в иллюзии, что останусь один в этом мире. Медленно опустил пистолет. Как в замедленной съемке, перед глазами бежит человек. И злобно улыбается. Я должен стрелять. Должен убить. Закончить все это и идти спасать Че Ён. Голос орет в голове, но глаза солдата, который не смог меня застрелить, слишком ярко отпечатались в памяти.

— Ты все еще колеблешься, — тихо сказал старик.

Я застыл, словно статуя. Посмотрел вниз.

Че Ён стояла рядом и улыбалась мне. Конечно, это мои глюки, но я так скучал по ней. Милая моя, ты поела? А кровать у тебя мягкая? Скучаешь по мне? Я вот очень, очень по тебе скучаю.

Подожди совсем немного. Не плачь. Просто жди. Я приду. Протягиваю руку и кладу ей на голову, чувствуя тепло. Она улыбается и кивает, исчезая дымкой.

Переместил палец на курок и выстрелил. Ничего личного. Попал бегущему мужику в бедро. Выстрелил опять, выбивая из рук другого оружие. Люди стали разбегаться. Мужчина рухнул

на пол. Рядом грохнул дробовик старика, и голова мужчины лопнула от пули.

Те, кто кричал на нас, сами становятся жертвами. Женщины вопят, а на улице снаружи, вторя им, воют твари. Я поставил пистолет на предохранитель. Закинул сумку поудобнее и рванул вниз по лестнице. Твари идут сюда. Старик рядом бежал с безмятежной улыбкой.

Вопли тварей повсюду. Нам надо уходить, пока здесь не стало слишком жарко.

<http://tl.rulate.ru/book/55848/4852813>